

Гурьянов Петр Сергеевич

Guryanov Petr Sergeevich

магистр богословия, настоятель храма
в честь иконы Пресвятой Богородицы
«Всецарица», г. Димитровград

Master of Theology, Orthodox priest,
The Church in honor of the icon of the Blessed
Mother of God "The Tsaritsa", Dimitrovgrad

**ПИСЬМА ИЗ ЛАГЕРЕЙ: ОПЫТ
«СОХРАНЕНИЯ СЕБЯ»
СВЯЩЕННИКА АНАТОЛИЯ
ЖУРАКОВСКОГО (1897–1937)**

**LETTERS FROM THE CAMPS:
THE EXPERIENCE OF "SAVING
YOURSELF" OF PRIEST ANATOLY
ZHURAKOVSKY (1897–1937)**

Аннотация:

Целью настоящей статьи является анализ писем из лагерей священника Анатолия Жураковского (1897–1937). Актуальность данной темы обусловлена вниманием исследователей в последнее время к таким вопросам, как политика памяти, социокультурная травма, а также влияние политических репрессий на тактики выживания в экстремальных условиях войны, лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Исследование тактик субъективации в лагере и письмах из лагеря возможно при помощи метода «исторической поэтики», акцентирующего внимание на целостности текста, формальной стороне писем. В результате изучения писем священника Анатолия Жураковского были предприняты первые попытки формального анализа лагерных писем на предмет особенностей субъективации заключенного, а также рассмотрена религиозная (христианская) практика «сохранения себя» в предельных условиях лагерного мира. Письма позволили А. Жураковскому сформировать и сберечь свое «я», нормализовать опыт переживаний в лагере. Сохранение себя, своей личности в разрушительных условиях лагеря осуществлялось им также в рамках христианской традиции «заботы о себе», которая включала общение с Богом, аскетический опыт, уединение, интенсивную мыслительную работу.

Ключевые слова:

политические репрессии, политика памяти, травма, гонения на церковь, репрессии священников, субъективация, новомученики и исповедники российские.

Summary:

The purpose of this paper is to analyze letters from the camps of priest Anatoly Zhurakovsky (1897–1937). The relevance of this topic is due to the recent attention of researchers to such issues as politics of memory, sociocultural trauma, as well as the influence of political repression on survival tactics in extreme conditions of war and imprisonment in forced labor camps. The study of subjectivation tactics in the camp and letters from the camp is possible by using the method of "historical poetics", which focuses on the integrity of the text, the formal side of the letters. As a result of studying the letters of the priest Anatoly Zhurakovsky, the first attempts were made to formally analyze the camp letters concerning the peculiarities of the prisoner's subjectivation, and the religious (Christian) practice of "saving oneself" in the extreme conditions of the camp world was examined. The letters of A. Zhurakovsky allowed him to form and preserve his "Self", to normalize the experience of trials in the camp. The preservation of oneself and one's personality in the destructive conditions of the camp was carried out by A. Zhurakovsky also within the framework of the Christian tradition of "caring for oneself", which included communication with God, ascetic experience, solitude, and intensive mental work.

Keywords:

political repression, politics of memory, trauma, persecution of the Church; repression of priests, subjectivation, New Martyrs and Confessors of Russia.

Массовые политические репрессии 1930-х гг. в СССР как одно из самых травматичных событий прошлого являются не только актуальной темой социальных исследований, но и неотъемлемой частью «политики памяти», проводимой различными участниками общественно-политической и культурной жизни в современной России. Православная церковь также выступает значимым актором политики памяти и имеет свой инструментарий коммеморации, в который входят создание различных мемориальных комплексов, восстановление монастырей и храмов и, конечно, канонизация и институт святости [1]. Важное место занимает канонизация жертв политических репрессий в СССР. Если Большому террору в исследовательской литературе уделено достаточно внимания, то судьба маленького человека, попавшего в маховик репрессий, часто теряется в научных схемах. Особый интерес представляют опыт противостояния разрушительным репрессиям, практики «сохранения себя» (своей идентичности) в условиях возможной деградации человека в местах лишения свободы. Одним из примеров стойкости и мужества в деле сохранения человечности, но также веры в Бога в предельных условиях является лагерный опыт священника Анатолия Жураковского (1897–1937), который был канонизирован в лике исповедника в 1981 г. решением Архиерейского собора Русской православной церкви за границей.

Лагерная жизнь священника А. Жураковского показательна: арест, ссылка, освобождение, снова арест, отбывание срока заключения в исправительно-трудовых лагерях, расстрел в 1937 г.

Казалось бы, это типичная история заключенного, но за этой поверхностной структурой жизни осужденного скрываются напряженная борьба за жизнь, сохранение себя (собственной идентичности) в разрушительных условиях лагерной жизни, а также веры в Бога как основы субъективности, личности.

Предметом исследования данной статьи являются письма А. Жураковского. Как правило, публикация писем предполагает, что они сами по себе служат красноречивыми свидетельствами [2]. Одним из немногих удачных примеров сочетания аналитики писем и «красноречивых свидетельств» выступает сборник коллектива авторов «XX век: Письма войны» [3]. Ничего подобного в отношении писем репрессированных, в частности священников и мирян, мы не обнаружили.

В письмах и дневниках дистанция между пережитым опытом и его осмыслением минимальна. Чем больше временная дистанция, тем меньше следа остается от аффекта от испытанного, меньше молчания. Более того, в условиях травмирующего опыта наблюдается интенсивная символизация пережитого, тогда как в мемуарах после определенного промежутка времени аффекты уже нейтрализованы либо господствующими речевыми формулами, либо молчанием.

Травматический опыт ГУЛАГа и его влияние на субъективность, личность заключенного на примере лагерных мемуаров рассматривал английский ученый Андреа Гуллотта. По его мнению, «мемуары ГУЛАГа составляют литературный корпус, которому в истории нет равных» [4, р. 76], что и вызывает непрекращающийся интерес у авторов и читателей. Он выделяет два фундаментальных аспекта советской «репрессивной литературы» – это травма и самость (субъективность) [5, р. 80]. Также среди исследований политических репрессий 1930-х гг. в СССР в контексте социокультурной травмы следует выделить работы А.А. Колдушко [6], А.В. Кравченко [7], А. Завадского [8]. Изучению травмы и памяти посвящена докторская диссертация Ф.В. Николаи [9]. По его мнению, «именно рефлексивная проработка трудного прошлого и гетерогенные практики коммеморации способны заново связать между собой исторический опыт и актуальное пространство смыслов» [10, с. 28].

Методологической основой исследования стали наработки авторов сборника «XX век: Письма войны», позволяющие видеть в письмах «не столько дополнительное информационное пособие, позволяющее “прояснить детали” и “дополнить картину” того или иного события, сколько самостоятельный дискурсивный феномен» [11, с. 13]. Их метод «исторической поэтики» акцентирует внимание на целостности текста, формальной стороне писем и предполагает дистанцирование от «биографического» подхода к письмам. Все это позволяет изучать «отношения субъективации» (Ж. Деррида) участников переписки, формирование самого человека письма, «опыт субъективации на границе выразительных возможностей» [12, с. 15]. Особое значение при таком подходе имеют в письме риторические сбои, стилистические смещения, паузы, молчание, свидетельствующие об аффектах, травматическом опыте. Тем не менее биографический подход может внести конкретику в некоторых случаях умолчания. Так, в письмах А. Жураковского в октябре 1937 г. просьба к супруге «не беспокоиться» и последовавшее молчание означали очередной арест и расстрел.

Практики субъективации также были предметом исследований другого представителя «постструктуралистского» направления в философии М. Фуко [13], а также развивавшего его идеи в проекте синергичной антропологии С.С. Хоружего [14]. Особого внимания заслуживают изучаемые этими авторами «практики себя» (конституирование субъективности/идентичности, личности) в христианской традиции. Под практиками себя следует понимать «некоторые процедуры, существующие, безусловно, в любой цивилизации, предлагаемые или предписываемые индивидам для закрепления их самоидентичности, ее поддержания или изменения; и возможные благодаря отношениям владения собой или познания себя» [15, с. 80].

Не имея возможности дать подробный анализ писем священника Анатолия Жураковского, отметим лишь самые важные, на наш взгляд, моменты. Прежде всего в первых письмах после ареста обнаруживает себя главная тема, с разной степенью интенсивности поднимаемая на протяжении всего времени пребывания о. Анатолия сначала в ссылке в Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола), а затем в исправительно-трудовых лагерях, – тема сохранения себя, своей идентичности. Так, в письме 23 марта 1923 г. сразу после ареста, будучи в тюрьме, о. Анатолий просит супругу прислать ему рясу и только затем говорит о посуде, еде, деньгах. Ряса представляется основой сохранения идентичности в тюрьме [16, с. 72].

В первых письмах из тюрьмы часто встречаются многоточия, свидетельствующие о том, что о. Анатолий пережил некий аффект, с трудом поддающийся описанию: «Так много, бесконечно много хотел бы сказать, или в крайнем случае написать... но пишу только несколько слов» [17, с. 72]. Тем не менее о. Анатолий пытается символизировать свой опыт: разделяет жизнь до и после ареста, арест и заключение описывает как испытание, посланное Богом, «основу для взросления человека».

В письмах о. Анатолий описывает «технику себя» (сохранения себя) или «заботу о себе» в рамках православной традиции следующим образом: духовная жизнь состоит из двух планов: личного и сверхличного, Божьего. Происходящее в душе верующего сравнивается с Таинством Евхаристии. Именно здесь происходят молитвы, священнодействия, которые являются лишь предвосхищением «явления тайны Богорождения в душе» (1 июля 1924 г.) [18, с. 91]. Путь восхождения к Богу пролегает через отречение «от цепей и от призраков скорби». По мнению о. Анатолия, чтобы преодолеть разрушение порядка жизни или противостоять ему, требуются самодисциплина и «много работы» над собой. В рамках «заботы о себе», или приобщения, причастия, идентификации с Божественной Личностью, можно отметить и «Божественную литургию», которую о. Анатолий совершает у себя в комнате.

Уже в 1931 г., после второго ареста, акценты при описании себя, своего заключения в свирских лагерях (Свирьстрое) смещаются. Важное значение для о. Анатолия приобретают темы личного плана – работа, одежда, жилищные условия, здоровье, питание. Это смещение внимания обусловлено ухудшением условий жизни в сравнении с таковыми в ссылке 1923–1924 гг.

Изменилось и пространство жизни о. Анатолия – прежде всего это комната, в которой, несмотря на присутствие еще одного человека, «простор небывалый». Появляется новая тема в его лагерной жизни, которая вносит коррективы в «заботу о себе», – тема смерти: «Несмотря на то что смерть не кажется мне такой страшной после того, как я долго смотрел ей в глаза... я жить хочу, пламенно хочу... Я всегда забочусь о своем здоровье, всячески, как могу» (14 января 1932 г., Свирлаг) [19, с. 123–124]. Теперь о. Анатолий заботится и о телесном существовании.

Несмотря на пристальное внимание к телесному существованию, вызванное предельными условиями жизни, о. Анатолий также заботится о своей сверхличной жизни, описанием которой могут служить его слова: «Слава Богу, так говорит все существо мое, и не говорит, а поет каждой своей частицей – Слава Богу!» [20, с. 126]. Более того, внутренняя жизнь, по замечанию о. Анатолия, становится более интенсивной в сравнении с жизнью внешней, поскольку интересов в последней почти нет. Часами в течение дня о. Анатолий собирает в памяти прочитанные когда-то изречения святых подвижников и тщательно обдумывает их (31 мая 1932 г.).

Меняются и его представления о будущих занятиях. Приходит осознание того, что «возврат к алтарю кажется теперь не только неосуществимым, но просто запредельным» [21, с. 127]. О. Анатолий мечтает сначала разводить кроликов после освобождения, а затем заниматься переводческой деятельностью, вследствие чего начинает усиленно изучать английский язык.

Все чаще звучат в его письмах опасения потерять себя, позабыть Бога: «здесь все противоборствует памяти Божией, но верю в Его всеильную помощь» [22, с. 130]. Он также отмечает «огрубление» своей души от «диких» условий жизни.

Жизнь в заключении на Соловках (с октября 1932 г.), по признанию о. Анатолия, была лучше – «здесь можно жить и дышать». «Забота о себе» получила дальнейшее развитие – о. Анатолий заботится о строительстве «внутреннего человека», «внутреннего храма», более того, сама тема строительства вызвана постоянным разрушительным напором извне – беспраздничностью жизни, шумом, суетой, сквернословием, тотальным «душевым огрублением» [23, с. 140]. Периодически этот «внутренний человек» противостоит внешним разрушениям: «Барак фундаментальный, хороший, только, прости, клопы невероятные. В душе что-то твердое, спокойное. Теперь внешние обстоятельства – переброски, лишения, неприятности – как-то не затрагивают душевной глубины» [24, с. 144].

Укрепление «внутреннего человека», т. е. личности, у о. Анатолия носило «волнообразный» характер – были подъемы, но были и падения, когда он не мог даже молиться. Черпал силы, находил поддержку о. Анатолий в книгах, а читал он много – от книг по медицине и архитектуре до «Капитала» К. Маркса, трудов З. Фрейда. Внимательно изучал мировую и русскую литературу. Обладая хорошей памятью, он часами мог вспоминать писания святых отцов, богословские труды, поскольку прямого доступа к религиозной литературе не имел. Все это было направлено на «переосмысление» традиции: «Все больше и больше убеждаюсь в необходимости читать, перечитывать и передумывать "классические вещи"» [25, с. 162]. Однако интенсивная мысль бесполезна без духовного делания, полагал А. Журавковский. Прежде всего требуется «постоянство в молитве», поскольку без нее наступает «душевный мрак». Каждый день в 10 часов вечера о. Анатолий старался молиться.

Итогом духовного самостроительства о. Анатолия стало примирение со страданием. Он пишет: «Для нашей веры страдание есть преображение мира в целом, соучастие в творческих божественных планах» [26, с. 181]. Страдание не является для него наказанием. Примиряется о. Анатолий и со своим прошлым, в котором «чем острее эта боль, тем ярче, тем памятнее минуты, часы и дни радости и совершенного счастья, посланного Им как залог чаемого грядущего» (13 марта 1937 г., Надвойцы) [27, с. 183].

Примирился он и с природой, и со всем окружающим: «Все у меня благополучно. Осень стоит хорошая. Как-то понемногу, чувствую, за эти годы не только “попривык” к северу, но и что-то полюбил в нем...» [28, с. 192].

3 декабря 1937 г. священника Анатолия Жураковского расстреляли.

Таким образом, в ходе исследования были предприняты первые попытки, с одной стороны, формального анализа лагерных писем А. Жураковского на предмет особенностей субъективации заключенного, с другой – рассмотрения религиозной (христианской) практики сохранения себя в предельных условиях лагерного мира.

Анализ писем из лагеря А. Жураковского дает возможность сделать некоторые выводы. Его письма к жене, а также членам церковной общины позволяли формировать и сохранять свое «не-лагерное» «я», сохранять воспоминания о прошлой жизни и быть участником «отношений субъективации» в переписке. Неслучайно формулировка «без права переписки» означала не что иное, как расстрел. Письма описывают действительность лагерей привычным языком, нормализуя лагерный опыт заключенного, символизируя его, превращая в обыденное.

Сохранение личности в разрушительных условиях лагеря осуществлялось А. Жураковским в рамках христианской традиции «заботы о себе», которая предполагала, судя по письмам священника, интенсивное строительство «внутреннего человека», «внутреннего храма», общение с Богом, восхождение к Нему, сопровождающееся изменением личности, аскетический опыт, уединение, трезвение, молчание, интенсивную мыслительную работу. Все это позволило не только укрепить веру в Бога, но и сохранить себя в лагере.

В завершение работы следует отметить возможные направления дальнейших исследований, не затронутых в статье: это введение в поле изучения для сравнения большего количества материалов (включая дневники, мемуары), а также персоналий; рассмотрение писем не только священников и мирян, но и людей, позиционирующих себя атеистами, письма которых публиковались в периодической печати и являлись инструментом советской пропагандистской, антирелигиозной работы и средством «безбожной» идентификации читающего населения.

Ссылки:

1. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская православная церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. URL: <http://st-hum.ru/en/node/649> (дата обращения: 27.09.2019).
2. Косик О.В., Хайлова О.И. Письма священноисповедника Афанасия (Сахарова) из архива священномученика Серафима (Самойловича) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской православной церкви*. 2015. Вып. 3 (64). С. 113–123; «Авво мой родной!» Письма священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) преподобномученику архимандриту Неофиту (Осипову) 1933–1934 гг. / В.Н. Воробьев, А. Щелкачев, А.В. Мазырин, О.И. Хайлова, И.С. Казаков // Там же. 2014. Вып. 2 (57). С. 117–142.
3. XX век: Письма войны / под ред. С. Ушакина, А. Голубева. М., 2016. 840 с.
4. Gullotta A. Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings // *Avtobiografiia: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2012. No. 1. P. 73–87.
5. Ibid. P. 80.
6. Колдушко А.А.: 1) Преодоление социальной травмы репрессий 1937–1938 гг.: характеристика исследования и реконструкция на основе источников архивно-следственного дела (на примере А.К. Гампера) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10. С. 111–113; 2) Условия существования в заключении в период сталинских репрессий в контексте изучения социокультурной травмы // Там же. 2017. № 10, ч. 1. С. 92–94.
7. Кравченко А.В. «Больше писать не хочется»: Большой террор и дети репрессированных. Опыт рассмотрения дневников двух юных комсомольцев // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2015. № 7, ч. 1. С. 122–135.
8. Завадский А. Письма из лагеря как способ сохранить себя: случай художника Григория Филипповского // Там же. С. 147–157.
9. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2018. 45 с.
10. Там же. С. 28.
11. Голубев А., Ушакин С. Экспозиция письма: о правилах чтения чужой переписки // *XX век ...* С. 8–21.
12. Там же. С. 15.
13. Фуко М. О начале герменевтики себя // *Логос*. 2008. № 2 (65). С. 65–94.
14. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. 687 с.
15. Там же. С. 80.
16. Священник Анатолий Жураковский: Материалы к житию / сост., вступ. ст. П.Г. Проценко. Париж, 1984. 228 с.
17. Там же. С. 72.
18. Там же. С. 91.
19. Там же. С. 123–124.
20. Там же. С. 126.
21. Там же. С. 127.
22. Там же. С. 130.
23. Там же. С. 140.
24. Там же. С. 144.
25. Там же. С. 162.

26. Там же. С. 181.
27. Там же. С. 183.
28. Там же. С. 192.

References:

- Batishchev, RY, Belyaev, EV & Linchenko, AA 2018, 'The Russian Orthodox Church as an Actor in Modern Politics of Memory: The Discourse of Canonization', *Studia Humanitatis*, no. 1, viewed 27 September 2019, <<http://st-hum.ru/en/node/649>>, (in Russian).
- Foucault, M 2008, 'About the Beginning of the Hermeneutics of the Self', *Logos*, no. 2 (65), pp. 65-94, (in Russian).
- Golubev, A & Ushakin, S (eds) 2016, 'Exposition of the Letter: on the Rules for Reading Someone Else's Correspondence' in *XX century: Letters of the War*, Moscow, p. 8-21, (in Russian).
- Gullotta, A 2012, 'Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings', *Avtobiografiia: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, no. 1, pp. 73-87.
- Khoruzhiy, SS 2010, *Lantern of Diogenes. A Critical Retrospective of European Anthropology*, Moscow, p. 687, (in Russian).
- Koldushko, AA 2016, 'Overcoming the Social Trauma of Repressions of 1937–1938: Characteristics of Research and Reconstruction Based on Sources of Archives and Investigations (on the Example of A. K. Hamper)', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10, pp. 111-113, (in Russian).
- Koldushko, AA 2017, 'Conditions of Life in Imprisonment During the Period of Stalinist Repression in the Context of the Study of Socio-Cultural Trauma', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10, pp. 92-94, (in Russian).
- Kosik, OV & Khaylova, OI 2015, 'Letters from the Priest Athanasius (Sakharov) from the Archive of the Holy Martyr Seraphim (Samoilovich)', *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (64), pp. 113-123, (in Russian).
- Kravchenko, AV 2015, '«I don't feel like writing anymore»: The Great Terror and the Children of the Repressed. The Experience of Reviewing the Diaries of Two Young Komsomol Members', *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij*, no. 7, pp. 122-135, (in Russian).
- Nikolai, FV 2018, *Controversy about Trauma and Memory in American Philosophy of Culture*, Nizhny Novgorod, p. 45, (in Russian).
- Protsenko, PG 1984, *Priest Anatoly Zhurakovsky: Materials for Life*, Paris, p. 228, (in Russian).
- Ushakin, S & Golubev, A (eds) 2016, *XX century: Letters of the War*, Moscow, p. 840, (in Russian).
- Vorobyov, VN, Shchelkachev, A, Mazyrin, AV, Khaylova, OI & Kazakov, IS 2014, '«Avvo my dear!» Letters from the Holy Martyr Metropolitan Kirill (Smirnov) to the Martyr Archimandrite Neophytos (Osipov) 1933-1934', *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (57), pp. 117-142, (in Russian).
- Zavadsky, A 2015, 'Letters from the Camp as a Way to Save Yourself: The Case of the Artist Grigory Filippovsky', *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij*, no. 7, pp. 147-157, (in Russian).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Ездина София Александровна